

Р. ГЕЙДЕНШТЕЙН

Записки о Московской войне (1578–1582)

<Фрагменты>

Стефан Баторий после своего избрания в короли, думая, что по заключении мира извне и по установлении дружественных отношений со своими соседями легче будет прекратить и внутри раздоры, возникшие вследствие избирательной борьбы, и тем доставить государству полное спокойствие, написал к большей части соседних князей грамоты, в которых по обычаю, принятому между государями, объявлял о том, что королевство вручено ему, и, заявляя о своих добрых чувствах к ним, выражал желание хранить со всеми мир. Между прочим он послал также и к великому князю Московскому Ивану Васильевичу поляка Георгия Груденского и литовца Льва Буховецкого с грамотою о том, что, призванный на королевство божественным провидением и желанием сейма, он решился вести дела так, чтобы быть в мире и дружбе со всеми христианскими государями, и что к нему, как к соседнему и христианскому государю, он питает такие же добрые чувства. Если же между ним, великим князем, с одной стороны, королевством Польским и великим княжеством Литовским, с другой, и существуют какие несогласия, наследованные от предшественников обоих их, то их можно уладить дружелюбными переговорами согласно с справедливостью. На это царь Московский отвечал, что хотя он и слышал об избрании в короли Максимилиана, тем не менее, однако, не отказывается быть в дружбе и доброй приязни и с ним самим. Ему желательно, чтобы по обычаю предков были посланы великие послы, а в ожидании послов с обеих сторон пусть будут прекращены незаконные и враждебные

действия¹. Получив такой ответ, король, всецело предавшись заботе о внутреннем успокоении и в особенности о прекращении бунта жителей Гданьска, созвал сейм в Торне и на нем же порешил с одобрения рады послать в Москву послов для переговоров о мире. Послами были избраны Станислав Крыский*, воевода Мазовецкий, — Николай Сапега, воевода Минский, — Федор Скумин, литовский надворный подскарбий². Так как королю после этого приходилось приводить к покорности город Гданьск оружием, то Московский царь, полагая, что теперь для него настало самое удобное время занять Ливонию, к насилию и военным действиям прибавил еще и лукавство. В то время Ливония находилась под управлением Ивана Ходкевича с титулом администратора; в крепостях было мало поляков, большая часть начальников была с литовской стороны. Туземцы, подвергаясь от них дурному обращению и вместе с тем видя, что они не располагают достаточными средствами против московского могущества, расположены были в пользу какой бы то ни было перемены. Хорошо зная об этом, Московский князь послал в Ливонию Магнуса, Голштинского герцога, которого он держал при себе, связав обещаниями и родственными узами. Царь распространил слух, что если Ливонцы передадутся принцу, то он передаст последнему для управления Ливонию на местном праве, по примеру Пруссии, с тем, чтобы все управление и власть сосредотачивались в руках Магнуса, а за ним оставалось бы верховное господство и соответствующий тому титул. Жители края, побуждаемые, с одной стороны, нерасположением и ненавистью к чужеземной власти, с другой — надеждою и горячим желанием иметь начальников того же языка и происхождения, вместе с тем, под влиянием некоторых беспокойных и мятежных людей, прогнали почти из всех городов польские гарнизоны, и сами собрались в Венден, где в то время находился Магнус, возложили на него здесь титул и знаки королевской власти и присягнули на его имя. Между тем Московский князь, собрав огромное войско, проник в Ливонию без всякого препятствия, так как изгнаны были все гарнизоны и большая часть крепостей были заняты Магнусом. Приняв под власть сдавшиеся Мариенгаузен, Режицу, Люцин, Динабург, Кокенгаузен до самого Ашерадена, и не делая им никакого вреда для того, чтобы слух о его

* Станислав Крыский (1536–1595) — воевода мазовецкий, посол королей Стефана Батория и Сигизмунда III в Московское государство. — *Прим. составителя.*

милосердия распространился при самом начале управления, Иоанн отправился дальше. В Ашерадене собралось огромное множество людей обоего пола и всякого сословия, в особенности же много женщин и девиц; там же находился ландмаршал, человек почтенный и по летам и по тем высшим должностям, которые некогда он занимал. Московский князь, перебив без разбора всех, способных носить оружие, не воинственный пол, женщин и девиц, отдал Татарам на поругание; затем прямо отправился в Венден. Находившиеся там жители, перепуганные слухом о таком жестоком поступке Московского князя, заперли ворота. Магнус, вышедший за них просителем с униженным видом и умолявший на коленях о помиловании, ползая у его ног, был обруган князем, который даже ударил его в лицо. Убедившись, что влияние Магнуса нисколько не может послужить к их спасению, так как даже ему самому угрожает опасность, и видя себя со всех сторон окруженными и обманутыми вероломным неприятелем, жители под влиянием гнева, страха и отчаяния подложили под здания порох, и от этого взрыва погибло огромное множество людей обоего пола, всякого возраста и сословия, и почти весь цвет знати ливонской, сколько ее еще оставалось до сих пор. Овладев таким образом Венденом и в то же время сдавшимся Роннебургом, соседним с Венденом, Московский царь уже имел под свою власть всю Ливонию, за исключением Ревеля, Риги и немногих пограничных с ними крепостей. После отъезда Генриха, во время бескоролья, он захватил Пернов, от шведов взял славную, искусственно и естественно очень укрепленную крепость Вейссенштейн, Нарву же и Дерпт, Феллин и Мариенбург и некоторые другие уже гораздо раньше он отнял отчасти у епископа Рижского, частью у Ливонского ордена св. Марии. Положив такое начало, Московский князь делал затем постоянные вторжения в Ливонию, нанося ее жителям множество вреда, и тем заставил их отдаться под власть и покровительство Сигизмунда Августа и польских королей. И вот это обстоятельство, вместе с прежними спорами и притязаниями по отношению к великим князьям Литовским из-за некоторых русских местностей, служило затем постоянным предлогом враждебных действий между ним и Польскими королями. <...>

Между тем [польские] послы, отправленные, как мы выше указали, к Московскому князю, явились в Москву. Московский князь, жестокий по своему характеру и еще более возгордившийся по причине удачных действий в Ливонии, сделал им недостойный и унижительный прием; многие поступки царя и слова были оскорбительны

для Польского и Литовского народа; и так как обычай обоих народов требовал, чтобы уполномоченным с другой стороны отпускалось содержание, то он приказал доставлять послам пищу, но с величайшим неуважением, только самые простые и отвратительные кушанья, а покупать провизию в Москве и не в обычае, да и не было возможности, если бы они того захотели. Затем, когда во время переговоров послы объявили, что они имеют полномочия только о перемирии, он дал им перемирие на три года: при этом грамоту, которую послы должны были подписать, он приказал писать просто не внося никакого условия, а в грамоте, которую он должен был от себя передать послам и к которой он приложил собственную печать, он прибавил такие условия, что король уступает ему всю Ливонию вместе в Ригой и Курляндией, которые находились до сих пор во власти короля, и все, что простирается до границ *Пруссии*; что он не вступится за ливонцев, хотя бы те и просили его помощи, а еще менее займет какой-либо город, и вообще не окажет с своей стороны никакой поддержки или помощи. Затем, когда по обычаю следовало скрепить соглашение клятвою, то царь, отложивши в сторону грамоту, над которою присягали послы, взял только эту последнюю и над нею произнес клятвенное обязательство³. Так как после этого уже не оставалось места для дальнейших переговоров, то он приказал послам выехать из Москвы и в то же время, послав войска в Ливонию, он стал осаждать Венден. Слухи обо все этом, дошедшие при конце сейма, вобудили гнев и негодование в умах, уже и без того настроенных воинственно против Москвы. <...>

Таким образом быстро образовавшееся могущество Московского князя стало внушать страх не только соседним народам, но даже и более отдаленным, а высокомерие его при таких обширных границах и великих удачах дошло до того, что он презирал в сравнении с собою всех других государей и полагал, что нет ни одного народа, который бы смог поспорить с ним богатством и могуществом. <...> Но если при этом увеличилась власть и могущество Московского царя, то, с другой стороны, тем сильнее поддерживался его жестокий и суровый образ управления. Он совершил бесчисленное количество убийств, и между прочим замучил самыми изысканными пытками своего двоюродного брата Андрея, на основании каких-то подозрений в мятежных замыслах, со всеми его детьми и всем родом, за исключением только одной дочери, которую он потом сосватал за герцога Магнуса; он почти совершенно истребил Новгородское знатное дворянство, которое он подозревал в расположении к брату. Где попа-

далось, он не щадил также простолюдинов, избивая их массами, так что иной раз попавшие ему навстречу толпы несчастных людей, умолявших его о расположении и милости, по его приказанию избивались его саттелитами, или же в большом числе утопляемы были подо льдом, которым там бывают покрыты большую часть года озера и реки. Тому, кто занимается историей его царствования, тем более должно казаться удивительным, как при такой жестокости могла существовать такая сильная любовь к нему народа, любовь, с трудом приобретаемая прочими государями только посредством снисходительности и ласки, и как могла сохраниться та необычайная верность его к своим государям. Причем должно заметить, что народ не только не возбуждал против него никаких возмущений, но даже выказывал во время войны невероятную твердость при защите и охранении крепостей, а перебежчиков вообще было весьма мало. Много, напротив, нашлось и во время этой самой войны таких, которые предпочли верность к князю, даже с опасностью для себя, величайшим наградам. <...>

В характере рассматриваемого нами племени, кроме верности к князю, можно отметить еще крайнюю выносливость при всякого рода трудах, при голоде и при других тягостях, а также презрение к самой смерти. Впрочем, мужчны склонны к любострастию, и предаются любви не только с женщинами, почему даже в юношеском возрасте женятся, но и с мальчиками. Они отличаются лживым характером, вследствие дурной привычки, чрезвычайно изворотливы во всякого рода обманах и кознях; но может быть столько же способны к быстрому усвоению и добрых художеств, если бы кто наставил их в таковых.

